

Abstract. The article is aimed at examining the attributive parameter in the Russian and English pictures of the world and outlining the general patterns of its representation. The article determines the factors that influence the frequency of adjectives representing the attributive parameter, such as the importance of the attribute they name for the society, the presence of the evaluating component in the semantics of the adjective, the existence of an antonym and the part played by the adjective in the cognitive / semantic model of the proverb.

Keywords: proverb, proverbial picture of the world, attributive parameter, cross linguistic analysis.

УДК 811.161.1'42'373;821.161.1-28*-М. Горький.

Н. П. Капшай

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ФОРМИРОВАНИИ АВТОРСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В ДРАМЕ М. ГОРЬКОГО «НА ДНЕ»

Аннотация. В статье рассмотрены функции фразеологизмов, использованных в пьесе Горького «На дне», выявлена их роль в формировании смысла авторской концепции, которая отличается дискуссионностью и полифонизмом. Доказывается мысль о том, что объективное понимание смысла философской пьесы «На дне» априори невозможно без скрупулезного изучения языка произведения, отличительной чертой которого является чрезвычайная насыщенность фразеологическими единицами.

Ключевые слова: фразеологизмы, функции, пьеса Горького «На дне», речь персонажа, концепция автора, полифонизм.

Отлить мысль в красноречивые, образные, запоминающиеся формы и дать ей жизнь на века, следуя народной традиции, неизменно стремились мастера художественного слова. Писатели-художники черпают богатства из традиций народного творчества и сторицей возвращают долг новыми яркими образами. Благодаря им, талантливо владеющим словом, значительно пополнились языковые сокровища, в которых со временем стерлись имена авторов, но увековеченной осталась образность, меткость, лаконичная содержательность смысла. «Бедный Йорик», «Счастливые часов не наблюдают», «А счастье было так возможно, так близко», «Смех сквозь невидимые миру слезы», «На всякого мудреца довольно простоты» и другие. Сегодня только специалисты-филологи могут без запинки соотнести выражения, ставшие крылатыми, с именами их творцов: В. Шекспира, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского. К видным мастерам художественных образов и словесных формул заслуженно относят автора трилогии «Детство», «В людях», «Мои университеты», пьес «Дети солнца» и «На дне» Максима Горького.

Исследование фразеологизмов – «устойчивых, воспроизводимых в готовом виде сочетаний слов, существующих в языке в виде целостных по своему значению и устойчивых в своем составе и структуре образований» [1, с. 26], – особенно актуально, если они созданы такой личностью, как Алексей Максимович Горький, творчество которого только в XXI веке начинает обретать объективное прочтение в литературоведении (в работах П. В. Басинского, Д. Л. Быкова, Л. А. Спиридоновой и других). Объективное понимание особенностей идиостиля и смысла философской пьесы «На дне» априори невозможно без скрупулезного изучения языка, отличительной чертой которого является чрезвычайная насыщенность фразеологическими единицами. Язык художественного текста, в частности, его фразеологический состав, исследуется на междисциплинарном уровне, требующем интеграции знаний литературоведения и лингвистики. В научном описании органично сочетаются компоненты лингвистики и литературовед-

ческого стиля, соответственно эстетической природе предмета изучения, отличающегося образностью.

Цель статьи – раскрыть семантическое наполнение фразеологизмов в авторском тексте, их функциональность в формировании авторской концепции в познании человека и мира. Гипотетично можно предположить, что фразеологизмы дают ключ к расшифровке философского смысла полифонизма горьковского текста, в котором для драматурга одним из главных ориентиров является категория истины.

В семантическом поле текста «На дне» фразеологические выражения занимают очевидно значимое место. Их многочисленность и специфика функционирования обусловлены многими факторами. М. Горький, развивая авангардные начинания исторического времени, создает вслед Г. Ибсену, Г. Гауптману «новую драму», дискуссионную, актуализирующую самые болезненные проблемы эпохи. Автор «Песни о Буревестнике» и «Старухи Изергиль» пишет театральное произведение, адресованное массовой народной аудитории. Действующие лица в ней являются «аутентичными» носителями народной речи: это люди низов, дна жизни, «золотая рота», воры, преступники, люди без паспорта.

Наглядно, концентрированно и многоаспектно раскрывает роль фразеологизмов аналитическое осмысление речи одного из главных действующих лиц пьесы странника Луки. Речь Луки пересыпана меткими выражениями, что делает ее по-народному выразительной, эмоциональной и позволяет страннику быстро стать своим в ночлежке Костылева. За метким словом Лука не лезет в карман, благодаря богатому словарному запасу мгновенно, точно и образно реагирует на ситуацию. По его словам, Пепел жалеет Наташу *«как волк овцу»*. А Настя проливает слезы из-за роковой любви не напрасно и не бессмысленно, *«ведь так, без причины, и прыщ не вскочит»*.

Образ Луки демонстрирует, как глубоко осмыслено автором фразеологическое богатство русского языка и насколько многопланово используются им возможности фразеологии в реализации творческих намерений. Обращение к фразеологическим структурам – организующий авторский принцип в построении речи и образа персонажа.

Общеупотребительные, проверенные коллективным опытом, узнаваемые устойчивые выражения помогают Луке сразу наладить контакт с постояльцами ночлежки. Входит Лука в ночлежку со словами: *«Доброго здоровья, народ честной!»* Коммуникативная функция фразеологизмов по установлению контакта с окружающими сразу срабатывает, Бубнов тотчас подхватывает данный незнакомцем посыл: *«Был честной, да позапрошлой весной»*.

Выразительно реализуются в поведении Луки психологическая и характерологическая функции фразеологизмов. Беспаспортный Лука не хочет открыто рассказать о себе, намеренно скрывает прошлое. Однако в доверительном общении с другими он не может занять позицию полного умолчания. Он должен отвечать на вопросы Анны, Бубнова, Пепла, тех, кого сам вызывает на откровенность. Его ответы облечены во фразеологическую форму, позволяющую избежать конкретного признания, однако удовлетворить интерес собеседника. Общо, обтекаемо, дипломатично, намеками, иронизируя, он все-таки сообщает о себе: *«Мяли много, оттого и мягок»; «Я их, баб-то, может больше знал, чем волос на голове было...»*.

Весомая роль фразем в манифестации идеологической позиции персонажа. Он пропагандирует теорию утешительного сострадания к людям в окружающем жестоким социуме и гуманного отношения к человеку, достойному всеобщего уважения, уже потому что рожден для жизни на земле. Народный идеолог опирается на богатый народный опыт, его гуманизм укоренен в народной морали и этике, сохраняющихся в пословицах, поговорках, присловьях. *«Я и жуликов уважаю, по-моему, ни одна блоха – не плоха: все черненькие, все – прыгают...»*.

Идейный центр мировоззрения Луки составляет концепт «человек». Антропологическое содержание его теории разворачивается в широком охвате человеческого бытия, имеет поистине философское содержание. В ней опорными являются концепты «правда», «истина», «совесть», «жалость» и другие. Их смысл воспринимается и усваивается людьми низшего сословия во многом благодаря фразеологическому строю речи народного мыслителя.

В его суждениях актуально и целостно развивается экзистенциальное видение человека (от рождения и до смерти), разъясняемое простым языком фразем. В представлении Луки сущность человеческого бытия предопределена самим фактом появления на белом свете: *«Человеком родился, человеком и умрешь»*. Неоспоримы ценность человеческой экзистенции, то есть «существования в его простой фактичности» [2], природная данность, достоинство, наличие духовности и нравственного начала: *«Он какой ни есть – а всегда своей цены стоит»*. Сбереечь ценность человеческой жизни может только сострадание, человеколюбие, милосердие: *«Человека приласкать – никогда не вредно... Христос всех жалел и нам так велел»*. Надо подчеркнуть, что Лука проповедует не пассивный «утешительный гуманизм», а действительно гуманное бытие человеческого сообщества: *«и...если кто кому хорошего не сделал, тот и худо поступил»*.

Жизненные воззрения полно согласуются с коммуникативной компетентностью персонажа, которая, в частности, проявляется в умелом оперировании фразеологическим речевым запасом, используемым в соответствии с особенностями восприятия собеседников. Странник за предельно короткое время смог изучить ночлежников, являющихся непосредственными адресатами его «дискурсов». С коммуникативной точки зрения он умно рассчитывает на интеллектуальные возможности реципиента, запросы и коммуникативные ожидания. Именно с помощью фразем Лука быстро реагирует на ситуацию, оперирует узнаваемыми, зафиксированными народной памятью неоспоримыми истинами. Успокаивая умирающую Анну, для пущей убедительности прямо ссылается на «коллективный» опыт: *«...помрешь – отдохнешь, говорится ... верно это, милая!»* Добиваясь рецептивного воздействия, использует распространенные народные образы: *«...уж губы у нее землей обметало»*.

В коммуникации, благодаря умелому распоряжению фразеологическим потенциалом языка, Лука выступает как опытный оратор, усвоивший правила речевой суггестии. Создавая собственные фразеологические обороты в непосредственном общении с «золотой ротой», он использует не абстрактные слова, а доступную восприятию массовой аудитории лексику. Касаясь конкретной ситуации, в которой конкретный собеседник ждет конкретного решения и желанного совета, он находит самые продуктивные способы воздействия. С помощью сравнений встраивается образное выражение, которое основано на понятном номинативном значении слова. *«Кто в силе да в разуме, тому там – как огурцу в парнике!»* – разъясняет Лука Пеплу преимущество жизни в Сибири. Для актера, страдающего алкоголизмом, нет сомнений в истинности слов старика: *«Признали, видишь, что пьяница – тоже человек»*.

Мгновенную психологическую действенность высказываний Луки объясняет мастерское использование ключевого свойства фразеологического значения, отличающего его «от лексического прежде всего степенью интенсивности проявления признака» [3, с. 109]. Интенсивность продуцируется интенциональным повтором слов: *«Любить – живых надо... живых...»*. Убедительностью пафоса: *«Человек – все может ... лишь бы захотел...»*. Глубоким, но понятным философским смыслом: *«Все мы на земле странники»*. В неопровержимости сказанного убеждают краткость формы и емкость смысла: *«Во что веришь, то и есть...»*. Важно, что сила речей Луки поддержана и тем, что в них слово не только выношено и отшлифовано его носителем, но и проверено жизненной практикой: *«Уважьте человеку... не в слове – дело, а почему слово говорит»*.

ся? – вот в чем дело!» Лука, как и автор, верит в действенную силу слова, в «память слова», реальную жизненную востребованность его.

В совокупности широкого спектра функций фразеологизмов воплощается их художественная образотворческая предназначенность, что наглядно проявляется в сопоставлении фразеологического строя речи Луки с другими персонажами. Наиболее редко встречаются фраземы в речи Костылева, Квашни, Василисы, Медведева. Общность этой группы персонажей подтверждается использованием традиционных устойчивых словосочетаний, бытующих в народе в виде поговорок, пословиц, присловий. У Горького они свойственны речи маловыразительных действующих лиц и выполняют единичную функцию. Например, Квашня свое намерение выйти замуж обдумывает, ссылаясь на расхожие мнения: «Замуж бабе выйти – все равно как зимой в прорубь прыгнуть: один раз сделала, – на всю жизнь память». Костылев комментирует появление умирающей Анны и сострадающего ей Луки: «Ах, и хороша парочка, баран да ярочка». Высказывание хозяина ночлежки совсем не увязывается с реальным трагизмом происходящего. Укрывается за общеизвестным, распространенным штампом и Василиса, покинутая и оскорбленная Василием Пеплом: «Насильно мил не будет».

В речи персонажей-хищников семантика фразеологических сращений ограничена функцией выразительности и экспрессивно-оценочной рефлексии. Во всех сюжетных эпизодах они просто отговариваются, им нечем возразить, остается только сослаться на неопровержимость опыта других. По замечанию М. Л. Ковшовой, фразеологии «трудно возразить, потому что она проверена веками... Фразеологизм – это почти аргумент. За каждым фразеологизмом стоит сжатый, емкий текст – и не одного человека, а общей культуры» [4].

Горький-драматург отказывает второстепенным персонажам в яркости и выразительности речи, прибегая к смысловому минус-приему, этим подчеркивая малозначительность их идейных позиций в смысловой содержательности прогрессивной авторской концепции. На их фоне роль Луки особенно выразительна.

В широком разнообразии фразеологизмов, наблюдаемых в речи Луки, важное место занимают авторские новообразования. Они рождаются в правдоподобной дискуссионной ситуации как свободные выражения, непосредственно соотнесены с участием персонажа в обсуждении насущных проблем, выделяются своевременностью мысли, соотнесены с современностью, многочисленны и полисемантичны.

Одна из отличительных их характеристик – ясно выраженная и многопланово проявляющаяся когнитивная роль. Огромное информативно-познавательное значение имеют речи Луки для жителей ночлежки. Они впервые узнают о существовании лечебниц для алкоголиков, о реальной возможности переселения в Сибирь – и, действительно, странник нигде не врет. Им открываются и новые сведения о себе. Васька Пепел вдруг осознает, что потерял среди воров и беспризорных собственное имя. Актер, всё забывший, с трудом, но вспоминает о бывшем в его карьере театральном успехе. До всех «сожителей» на дно жизни доходит исторически новое видение личности, отражающее прогрессивные эпохальные тенденции в отношении к человеку из социальных низов.

Фразеологические новообразования, характерные для речи народного мыслителя, явственно выражают один из векторов мышления самого автора. Они настолько глубоко по смыслу, выразительны по форме, эмоциональны по модальности, значимы по философскому смыслу, что приближены к познанию правды и истины. Людьми, выброшенными на дно жизни, принимаются на веру. Для читателей и зрителей становятся путеводными маяками.

Здесь явно реализуется главная функция драматического идиостиля Горького – прагматическая, соответственно которой «чрезвычайно важным условием является понимание того места, которое отводит себе говорящий в языковом мире» [5]. Автор

проверяет разные точки зрения, обозначает стратегию разнонаправленного поиска истины, шлифует формы общения персонажей, стремясь к тому, чтобы мысль говорящего была не просто замечена, но, вступив в диалог с другими мнениями, потенциально оставалась открытой для осмысления. Новое в познании человека транслируется со сцены в зрительный зал, резонирует с внутренними ожиданиями присутствующих. Подобно Сатину – идейному оппоненту Луки, адресат запоминает идеи странника, повторяет его словесные формулы, осваивает понятные ему аксиологические послылы: «...все, как есть, для лучшего живут», «... всякого человека и уважать надо», «Не обижай человека!». У Луки нет негативно окрашенных жизненных позиций, что позволяет отнести его к разряду экзистенциальных оптимистов и зрителю / читателю настроиться на позитивное приятие жизни.

Время подтвердило ценность фразеологических новообразований М. Горького уже тем фактом, что множество цитат из пьесы «На дне» превратилось в крылатые выражения, многие оторвались от имени создателя и бытуют самостоятельно: например, «На карете прошлого далеко не уедешь».

Итак, исследование художественного текста выразительно раскрывает полифункциональность и полисемантичность фразем в пьесе Горького «На дне». Автор как большой мастер слова, искусно владеющий пером, талантливо использует функциональные возможности русской фразеологии, активизируя ее коммуникативный, когнитивный, дидактический, прагматический потенциал. Сбалансированно подчиняет их решению авторской сверхзадачи в создании «новой» пьесы и ясно осознает, что не может выступить в роли всевидящего и всезнающего пророка. Драматург, чутко улавливая и скрупулезно выверяя новые смыслы жизни, выступает в ипостаси личности начала XX века, проповедуя новый взгляд на человека и ясно осознавая, что не может преподнести читателю / зрителю истину в последней инстанции.

Список использованных источников

1. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка : учебное пособие для вуза / Н. М. Шанский. – М. : Высшая школа, 1985. – 160 с.
2. Экзистенция // Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1400/. – Дата доступа : 06.10.2020.
3. Далецкий, Чеслав / Риторика: заговоры, и я скажу, кто ты : учебное пособие / Чеслав Далецкий. – М. : Омега-Л, 2004. – 488 с.
4. Ковшова, М. Л. Фразеология – ключ к познанию культуры и человека / М. Л. Ковшова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://sn.ria.ru/20150311/1051998617.html>. – Дата доступа : 06.10.2020.
5. Норман, Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций / Б. Ю. Норман. – М., 2009. – 183 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://elib.bsylbitstream/123456789|1690|2|Norman/pdf>. – Дата доступа : 6.10.2020.

Abstract. The article examines the functions of the phraseological units used in Gorky's play «At the Bottom», reveals their role in the formation of the meaning of the author's concept, which is controversial and polyphonic. The author proves the idea that an objective understanding of the meaning of the philosophical play «At the Bottom» is impossible without a scrupulous study of the language of the work, a distinctive feature of which is the extreme saturation of phraseological units.

Keywords: phraseological units, functions, Gorky's play «At the Bottom» character speech, author's concept, polyphonism.

УДК 811.161.1'42:821.161.1-84

В. И. Карасик